

ВЛАДИМИР
ГУРЬЕВ

ПИСЬМА
СВЯЩЕННИКА
С ПОХОДА
1878 ГОДА

RUGRAM

Москва

2025

УДК 355/359
ББК 68.4
Г95

Гурьев В. В.

Г95 Письма священника с похода 1878 года / В. В. Гурьев. — М. :
RUGRAM, 2025. — 190 с.

ISBN 978-5-517-13502-5

«Смотрите, что за местность! Глаза разбегаются, не знаешь, на чём остановить взор. Огромные, как океанская волна, холмы и леса сменяются зелёными долинами, виноградниками и садами. Кажется, природа сделала всё возможное, чтобы украсить этот уголок Земли. Но поймите, что мы испытываем, глядя на всё это? Мы идём пешком по льду и снегу, промокшие, усталые, потерявшие счёт дням и силам. Нам бы насладиться красотой природы, вдохнуть свежий воздух, забыть о тяжёлых испытаниях. Но где тут красота, когда тело усталое, сердце тоскующее, ноги цепляются за лёд и снег? В таких моментах понимаешь, как хрупко счастье, как легко потерять вкус к жизни, когда физические трудности становятся преградой между человеком и природой.»

«В Нетрополе я зашел на могилу Лихачева, Манассеина, Тараткевича и других товарищей, поклонился, помолился, прочитал «Со святыми упокой» и с невыразимо грустными чувствами побрел дальше... Прощайте, товарищи-страдалцы! Никогда уже моя нога не посетит более вашей братской могилы, и только душою я буду часто прилетать к вам, гостить у вас, молиться за вас... На вашей скорбной могиле даю завет пред Богом — никогда не забывать вас пред престолом Божиим!»

«Печальное событие! Вчера мы похоронили нашего дорогого товарища, моего бедного спутника через Балканы, Бронислава Константиновича Заленского! Ты не можешь представить, как поразила всех нас его безвременная кончина. Мы все искренне любили его как отличного товарища, а Александр Иванович видел в нем молодого врача, которому предстояла широкая и, быть может, блестящая карьера. Похоронили мы его на месте его подвигов — в монастыре, у церкви, вместе с другими офицерами. Гроб сделали очень простой и едва нашли в дешёпных лавченках черного коленкору, чтоб его обить, чтобы хоть чем-нибудь отличить от простого солдатского гроба. Над ним я совершил полное православное погребение: где тут нам на войне разбирать наши уставы и вероисповедные различия? И как были довольны этим, как благоговейно молились и плакали все присутствовавшие при печальном обряде католики, лютеране и всякие другие разнове́рцы-христиане. А сделай-ка я это в России, и еще в епархиальном ведомстве, да меня бы засудили вконец за якобы нарушение существующих на сей предмет церковных правил и предписаний...»

УДК 355/359
ББК 68.4
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13502-5

© RUGRAM, оформление, 2025
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ПЛЕВНЫ ДО БАЛКАН.....	5
ЧЕРЕЗ БАЛКАНЫ.....	24
ЗА БАЛКАНАМИ.....	47
В ДОЛИНЕ ТУНДЖИ И МАРИЦЫ.....	59
ОКОЛО МРАМОРНОГО МОРЯ	108
ПАСХА В ЧОРЛУ	139
ПОСЛЕ ПАСХИ	152
ВОЗВРАЩЕНИЕ.....	174

ОТ ПЛЕВНЫ ДО БАЛКАН

Ловча, 1 января 1878 года

Как дивны пути провидения Божия! Мог ли я когда-нибудь думать, что мне придется встречать Новый год и где же? За Дунаем, в Болгарии, в Балканских предгорьях, в Ловче? Как ни хорошо я знал когда-то всеобщую географию, но, признаюсь откровенно, о существовании на земном шаре какой-нибудь Плевны, Ловчи я и понятия не имел; а теперь Господь благословил все это видеть, везде побывать... Мы уже в походе и сделали три порядочные перехода; будь это летом, тут бы, кажется, увидал настоящий рай земной: что за местоположение, что за чудные виды во все стороны, куда ни глянь... Но под снежным пологом все это сурово, дико, безжизненно, как-то досадно-неприятно...

Выступили мы из Трестеника-Семерета ранним утром 28 декабря, как назначено было по маршруту. Накануне выступления мороз держался еще порядочный, но в ночь на 28-е число сделалась оттепель и стал моросить дождь, не дождь с гололедицей — значит, и тут действует примета, что как только войска в поход, так и дождь... Нахлобучил я свой кожан, надел башлык, длинные сапоги, взял неизменную спутницу — люблинскую палку, и марш вперед... Не знаю, что неудобнее, идти ли по гололедице, постоянно скользя во все стороны с опасностью упасть и сломать себе руку или ногу, чему у нас бывали уже примеры, или описывать подобного рода путешествие? Как ни старайся, а тех ощущений, которые приходилось испытывать, не передашь. Не дай тебе Бог никогда в жизни испытать на себе, что значит идти пешком не-

сколько верст по страшной гололедице, под мелким дождиком, капли которого сейчас же застывают у тебя и на одежде, и на лице, образуя тонкую ледяную кожицу, когда с нависших краев кожаного башлыка пред самыми глазами твоими образуются ледяные сосульки, как бывает с крыши около окон или над окнами... А я под таким дождиком с такими сосульками шагал себе целых пять верст от Трестеника до Нетрополя, да еще пел дорогой... У меня есть какое-то непреодолимое желание уходить вперед совершенно одному. Среди безмолвия, под широкими окраинами горизонта, мне как-то дышится шире, свободнее. Я испытываю невыразимое спокойствие, наслаждение и пою себе, пою «*Богу моему, дондеже есмь...*» Как только наши собираются в путь, я ухожу вперед и, пока они меня догонят, успею пройти несколько верст; спутники мне неприятны; тут вся сила именно в безлюдии, в непосредственном общении с природой и Богом!

В Нетрополе я зашел на могилу Лихачева, Манассеина, Тараткевича и других товарищей, поклонился, помолился, прочитал «*Со святыми упокой*» и с невыразимо грустными чувствами побрел дальше... Прощайте, товарищи-страдальцы! Никогда уже моя нога не посетит более вашей братской могилы, и только душою я буду часто прилетать к вам, гостить у вас, молиться за вас... На вашей скорбной могиле даю завет пред Богом — никогда не забывать вас пред престолом Божиим! Побрел дальше. Вот место, где был перевязочный пункт, где работали Снисаревский и Красный Крест, вот место бивуаков нашей бригады; сколько воспоминаний, сколько пережито здесь и радостей, и горя, и удовольствий, и огорчений, а теперь голый пустырь, обломки землянок, какой-то странный хаос...

*И от Копаной Могилы
Бивуак до половины
Пустынным снегом замело...*

А вот и она, страшная Копаная Могила... Прощайте, братские могилы героев, павших на поле кровавой битвы! Земля Русская не забудет ваших подвигов, вашей кровавой жертвы, принесенной Отечеству...

К полудню небо прояснилось, выглянуло даже солнышко, и сделалось так тепло, что на дороге показались проталинки... Заблужденно: вид поля битвы даже чрез месяц все еще представлял много грустных останков... Софийское шоссе около моста через Вид по эту и по ту сторону благодаря оттепели оттаяло и буквально вымощено пулями и гильзами патронов, шагу нельзя ступить без того, чтобы не попасть ногой на свинцовую подстилку. На другой стороне Вида, около шоссе, и теперь еще валяются целые скирды цинковых ящиков с турецкими патронами; и откуда только они их брали? Неимоверно сколько у них было боевых снарядов!

Плевна — небольшой и невзрачный полутурецкий-полуболгарский городишко; улицы тесны, кривы, грязны... Хозяева-болгары приняли нас чрезвычайно радушно; они знают, что наша именно дивизия билась в последний раз с Османом и сломила его силу; потому все проходящие части нашей дивизии они принимали и принимают весьма приветливо. Хозяин нашей квартиры, очень умный и образованный по-своему болгарин, хорошо владеющий русским языком, просидел с нами целый вечер и много рассказывал о своем положении во время пятимесячной осады... Рассказывал, что Осман на все время осады поставил около Плевны густую цепь караулов и не позволял своим солдатам входить в город и обижать жителей; вообще болгары отзываются о нем как о человеке добром и великодушном... Между разговорами хозяин сообщил нам, что болгары еще со времен императрицы Екатерины Великой не переставали верить, что Россия рано или поздно непременно освободит их от турецкого ига, это обрательсь у них в народное поверье, и после всякой нашей войны

с Турцией, даже после несчастной осады Силистрии в 1854 г., они не теряли никогда своей заветной надежды на братьев русских; теперь, в настоящую войну, несмотря на первые наши неудачи под Плевной, они твердо убеждены и несомненно верят, что час их освобождения скоро пробьет...

На другой день (29 декабря) в Плевне с раннего утра сделалось необыкновенное народное движение: болгары, и мужчины, и женщины, и дети, в праздничных одеждах высыпали на улицы и что-то громко, восторженно сообщают друг другу; через несколько минут после того на церковной колокольне заколотили в церковное било (чугунная доска вместо колоколов, которых турки не позволяли болгарам употреблять для церковного благовеста). Что такое случилось? Вдруг вбегает к нам наш хозяин до того взволнованный, что на глазах у него слезы. «Что с вами?» — спрашиваем. «Шипку, Шипку взяли, армия турецкая в плену, — кричит он восторженно и бросается обнимать и целовать нас. — Комендант получил телеграмму, и сейчас в нашей церкви будет молебен». Я, не медля ни минуты, побежал к коменданту, генералу Столыпину, и он был настолько любезен, что прочитал мне подлинную телеграмму, извещавшую, что шипкинская турецкая армия 28 декабря совершенно разбита и остатки ее в числе 24 тысяч положили оружие. Радость и ликование здесь неописуемые! Несмотря на то что у нас все уже готово было к выступлению, мы пошли в церковь. Плевненская церковь одна из древнейших в Болгарии, и мне чрезвычайно понравился величественный резной иконостас из орехового дерева с позолотой. По окончании торжественного молебна, при всеобщем народном ликовании, мы выступили из Плевны, провожаемые душевными пожеланиями ликующих болгар. 28 ноября и 28 декабря 1877 г. составят светлые страницы в русской военной истории!

Переход от Плевны до деревни Сетово был очень трудный, что называется, с горки на горку. От вчерашней оттепели снег

пропитался водою, а его в глубоких оврагах навалило много, так что наши тяжелые линейки резали дорогу до грунта; спустимся в овраг, в долину — тепло, проталины, даже ручьи; подыдемся на гору — холодный, резкий ветер и мороз, под ногами шуршит. Все вершины окрестных гор на несколько верст усеяны турецкими и нашими редутами и траншеями, когда-то грозными и страшными. Сколько здесь положено труда, чтобы все это выкопать, нагромождать; а сколько здесь полегло турецкой и русской силы?

Как жаль, что мы путешествуем зимою, — весь эффект пропадает; а, должно быть, летом тут истинное очарование: с каждым переходом окрестные виды и ландшафты становятся все прелестнее, грандиознее. Деревушка Сетово приютилась на склоне большой горы, покрытой лесом, и беленькие домики ее разбросаны между садами и виноградниками, как будто дачи; землянки здесь ни одной, лесу много, поля превосходные, и довольство заметно во всем. Удивительно, как богата эта благословенная Богом страна, вот уж истинная житница... Я уже писал тебе, что целых два месяца, проведенных нами около Плевны, мы не имели недостатка в фураже, и если в конце этого времени нам угрожало почти бедствие, то это вовсе не потому, что страна истощилась в своих средствах, что негде было достать, а совершенно по другим причинам, от богатства страны нимало не зависящим. Целая трехсоттысячная армия с многочисленною кавалерией, артиллерией, со своими обозами, парками и всяческими транспортами в течение семи месяцев находила себе продовольствие исключительно в местных средствах и запасах страны. Из-за Дуная не доставлено ни одного вола, ни одного клочка сена, так как в этом не представлялось никакой надобности, и будь наша администрация хоть немножко предусмотрительнее, поверьте, ни одна часть нашей армии не испытала бы здесь никаких лишений и недостатков в продовольствии. Доказательством могут служить эта самая деревушка Сетово и ближайшая к ней Ново-Село, ле-

жащие около шоссе из Плевны в Ловчу. Несмотря на то что со времени взятия нами Ловчи (22 августа) по этому шоссе в течение четырех месяцев постоянно передвигались разные части нашей армии, без сомнения нуждавшиеся в продовольствии, в этой деревушке мы еще в конце декабря застали нетронутыми целые стога ячменя и пшеницы, а также достаточное количество рогатого скота, а деревни, лежащие в глубь страны, в Балканах, имеют еще большие запасы продовольствия... Многие укоряют болгар в том, что они припрятали от нас свои продовольственные запасы. Укоризны эти совершенно несправедливы: если с болгарам обходиться ласково, исправно выплачивать стоимость забираемых продуктов звонкою монетой, а не бумажными квитанциями, с которыми они не знают, что делать, то у них всегда можно было достать по крайней мере самые важные продукты продовольствия — муку и мясо.

В Ловчу мы пришли рано, к обеду 30 декабря. Городок очень хорошенький, есть даже настоящие европейские каменные дома и оригинальный крытый мост через речку Осму. При входе в город, в предместье, поставлены триумфальные ворота, обвитые дубовыми и миртовыми листьями с разноцветными флагами и надписью: *«Да живет Царь Александр II, Освободитель Болгарии»*. Это очень эффектно и приятно для нашего патриотического чувства. Проехав с полверсты по первой городской улице, мы повернули налево и очутились под высокою длинною дощатою крышей в какой-то полусветлой галерее; по обеим сторонам тянутся сплошные лавочки с разложенными и развешенными товарами — это местный гостиный двор. Засмотревшись на разные лавочные диковинки и медленно подвигаясь вперед, мы незаметно переехали через мост, по сторонам которого непрерывно тянутся такие же лавки и та же высокая дощатая крыша; каждая лавочка имеет свое оконце, выходящее на реку, и этими оконцами освещается вся галерея, идущая через мост, — все это очень